

Крындин Николай Александрович (1924г.р.- начало 1942 года)

Родился в с.Ромашково. В самые первые дни войны в 17 лет ушел на войну добровольцем, приписав себе один год. Окончил ускоренные курсы, был радистом-десантником в составе десантной бригады: 1-й Белорусский отряд особого назначения, начавший действовать в сентябре 1941г. на оккупированной территории Лепельского, Чашникского и Хлопеничского районов Витебской области БССР (при этом главная база отряда находилась на небольшом острове в Березинских болотах). Партизанский отряд прошёл 600 километров по тылам врага в южных районах Белоруссии, совершал диверсии и подрывал коммуникации противника.

В октябре 2018г. довелось записать воспоминания 90 летней жительницы Ромашкова, медсестры бывшей местной больницы, испанки Марии-Паситы Гарсия-Крындиной (которые можно найти в разделе «Больница»). После многочасовой беседы о ее непростой судьбе, уже прощаясь, завели речь о том, не знает ли она случайно погибшего во время Великой Отечественной Войны жителя села Крындина, чьи инициалы - «Н.А.» на памятнике не смогли расшифровать? Мария-Пассита всплеснула руками и, со свойственной испанцам эмоциональностью, запрочитала и быстро начала рассказ:

...«Как же не знаю, знаю конечно!!! Это родной старший брат моего мужа! Я из дома не выхожу давно, не знала, что ищите погибших. Моего первого сына, родившегося в 1954году назвали в его честь Николаем, так его любили и ждали.... Они с мужем по фотографиям одно лицо...

Когда началась война он в 17 лет сбежал на фронт, приписал себе год, иначе его бы не взяли на курсы радистов. Мы долго о нем ничего не ведали, писали во все инстанции, как вдруг нам «случайно» в руки попала автобиографическая книжка «Война в тылу врага», изданная в 1947 году, Героя Советского Союза полковника Григория Матвеевича Линькова, где в воспоминаниях шла речь о десантнике –радисте по фамилии Крындин. Это было в начале 1950х. Мы решили разыскать автора, вдруг он жив и речь в книге о нашем Коле? Нашей семье удалось его найти, он оказался жителем подмосковного поселка Томилино под Люберцами и мы со свекровью Александрой Павловной Крындиной (Нефедовой), матерью Николая поехали к нему. Он был дома, несмотря на героическое прошлое, оказался очень простым и внимательным человеком. Напоил нас чаем и очень скромно рассказывал о себе.

Поделился воспоминаниями о том, как организовывали партизанские отряды «народных мстителей» в белорусских лесах, как их десантников туда забрасывали, как били фашистов и отправляли их эшелоны под откос, обрушивая великую волну народной ненависти на врага, как брали языков. Он был одним из руководителей десантного подразделения, заброшенного в партизанские отряды, воевавшие в глубоком тылу противника. Несмотря на множество людей проходивших по его жизни, особенно во время войны, он помнил Колю Крындина. Достал пачку с фотографиями, нашел одну из них, где был запечатлен партизанский отряд, и среди этих бойцов мы сразу нашли нашего Николая. Даже я, никогда его не видев, опознала его сразу, так как это было одно лицо с моим мужем Павлом.

Николай был радистом в составе заброшенной в партизанский отряд московской десантной бригады особого назначения, очень слаженной и отлично подготовленной и нанесшей большой урон врагу. Они хорошо знали подрывное и саперное дело, все типы огнестрельного оружия, хорошо ориентировались. С ними бойцы отряда чувствовали себя надежно.

Погиб он в начале 1942 года, до последней капли крови отстреливаясь от карателей эсесовцев преследовавших отряд, ему тогда было 18 лет, по мнению однополчан 19ть.

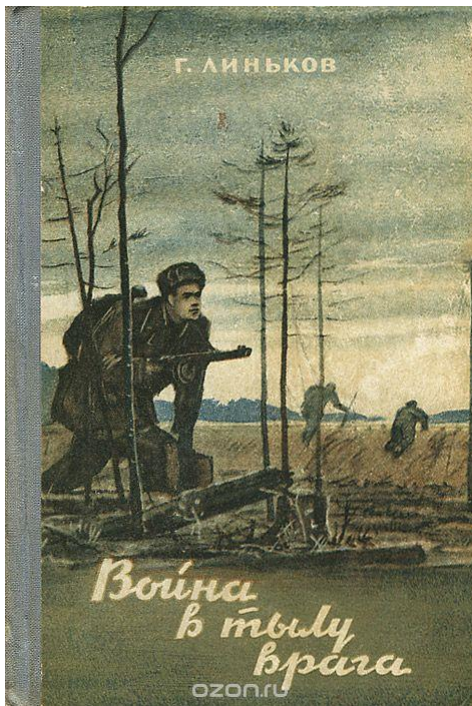
Григорий Матвеевич сделал нам дарственную надпись на книге, благодаря которой мы разыскали Николая и саму фотографию бойцов, - к сожалению все утратилось, но фотография Николая сделанная с

общей и увеличенная - сохранилась. С ней мои дети и внуки ходили в составе Бессмертного полка в День Победы....»

«Линьков Григорий Матвеевич (4 февраля 1899, село Васильевка ныне Октябрьского района Оренбургской области — 17 декабря 1961, Москва) — воентехник 1-го ранга, командир диверсионно-разведывательного отряда, известен под псевдонимом «Батя». Главным достижением Линькова является создание централизованной сети партизанских отрядов в Белоруссии. В боях Великой Отечественной войны с сентября 1941 года. Возглавил 1-й Белорусский отряд особого назначения, начавший действовать на оккупированной территории Лепельского, Чашникского и Хлопеничского районов Витебской области БССР. Партизанский отряд под его командованием прошёл 600 километров по тылам врага в южных районах Белоруссии, совершал диверсии и подрывал коммуникации противника. С мая 1943 года Г. М. Линьков — командир диверсионно-разведывательной группы, действовавшей в районе Бреста, Барановичей, Волковыска, а затем на территории Польши и Чехословакии. Добытые сведения о противнике передавались командованию и помогли проведению Белорусской и других операций.

Награждён орденом Красного Знамени, медалями. Звание Героя Советского Союза Г. М. Линькову присвоено 21 января 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу врага и особые заслуги в развитии партизанского движения в Белоруссии. С 1946 года полковник Г. М. Линьков в отставке, был на партийной и государственной работе. Жил в Москве. Погиб в 1961 году, похоронен на Новодевичьем кладбище¹».

Отрывки из книги Г.М.Линькова, где есть сведения о том, где воевал и как погиб Николай Александрович Крындин:

От автора. Вступление.

...Одним из наиболее ярких проявлений народного патриотизма в Великой Отечественной войне явилось массовое партизанское движение в тылу врага, движение народных мстителей.

Партизанское движение в Белоруссии, которому посвящена эта книга, под руководством Центрального штаба партизанского движения и ЦК КП(б) Белоруссии достигло в годы Отечественной войны поистине гигантского размаха.

Партизаны Белоруссии вписали много славных страниц в историю этого народного движения. Они превратили территорию оккупированной врагом республики в арену жестоких и изнурительных для гитлеровцев боев. Смелые, самоотверженные люди проникали всюду: с автоматом, миной, гранатой они выходили на железные дороги и шоссе, появлялись у военных складов и фашистских комендатур, их партизанская месть наступала гестаповцев и предателей даже в их офицерских клубах, и сам обер-палач белорусского народа, друг Гитлера — Кубе не смог избежать их карающей руки. Всюду гремели взрывы, летели под откос вражеские поезда, горели цистерны с горючим и боеприпасами, взлетали на воздух железнодорожные мосты, горел тыл гитлеровских армий. В одной только «рельсовой войне» было разрушено много тысяч километров рельсов и свыше пяти тысяч поездов с гитлеровскими войсками и техникой были пущены под откос славными белорусскими партизанами. Десятки тысяч фашистских карателей из отборных частей СС и гестапо нашли себе могилы на белорусских просторах.

Это массовое, подлинно народное движение свидетельствует о глубокой преданности советских людей своей социалистической родине. В тяжкие годы фашистской оккупации, когда в жестоких боях Красной

¹ Википедия – свободная энциклопедия.

Армии с гитлеровскими полчищами под Москвой, под Сталинградом решалась судьба родины, красные партизаны представляли советскую власть в тылу врага, являясь активными помощниками нашей Армии.

Отразить в литературе все величие героической партизанской эпопеи, даже в пределах одной только БССР, — задача не одного автора и не одной книги.

Я не ставил себе целью дать полную картину партизанской борьбы на территории Белоруссии, показать все партизанские формирования Белоруссии. В моей книге воспоминаний народная партизанская война изображается лишь в связи с теми операциями, которые проводило наше десантное подразделение, командированное в тыл противника для выполнения специальных заданий наших армейских органов. Я, как и в предыдущих изданиях, сохраняю лаконичность в изложении фактов и событий, коротко, сухо говорю о бойцах и командирах, их подвигах и героизме. Но ведь так было на поле боя, и мне хочется все это сохранить и в печати. Этой книгой мне хотелось сделать свой вклад в литературу о народном партизанском движении.

Если урок, преподанный недавнему фашистскому претенденту на мировое господство — Гитлеру, кажется кое-кому из числа современных англо-американских фашистов неубедительным и они ввергнут мир в третью мировую войну, то мы уверены: наш опыт будет использован сторонниками мира против поджигателей войны.

Глава 3. Еще одна встреча.

«Погода смягчилась, и выпавший снежок снова растаял. Мы продолжали искать подходящее местечко, где бы обосноваться хоть на время — подсушиться, добыть продукты, накормить людей, передохнуть. Но в прилегающих деревнях были расквартированы вражеские части. Это уже не каратели: их слишком много, — произошло что-то новое, о чем мы пока не знали. Только на подходе к Ковалевическим лесам мы набрали на деревню, где не было противника.

Жители Черной Лозы еще не видели партизан и вышли нам навстречу. Я дал на привал час двадцать минут. Хозяйки развели бойцов по домам. Тащили на стол все, что было в доме: хлеб, картошку, сало, молоко, и молча дивились аппетиту гостей. Бабы жалели нас, грязных, обросших, голодных.

— Может быть, и мой дед где-нибудь так-то ходит. Чай, трудно тебе на старости лет? — сказала мне пожилая хозяйка.

Который раз уже меня называли дедом, а ведь мне только сорок с небольшим!

Часам к шести утра мы благополучно вступили в район Ковалевических лесов. У нас не было ни отставших, ни больных: советский человек, борющийся насмерть с врагом, обладает такой выносливостью, о какой в мирной обстановке и мечтать невозможно.

В ближайших деревнях гитлеровцев не оказалось, и я решил выбрать место для базирования в лесу неподалеку от деревень Волотовка и Реутполе. Лес здесь был смешанный, поросший густыми зарослями. Несмотря на близость населенных пунктов, в нем водились дикие козы, кабаны и даже медведи. Жители Волотовки и Реутполя редко посещали этот лесной массив. Большую часть лета он был отрезан вязкой протокой, залитой водой, и попасть сюда можно было только обходным путем через Ковалевичи, совершив путь в добрых два десятка километров. Но в одном месте эта протока была наполовину завалена стволами деревьев, сваленных когда-то буреломом. Обследовав это место, мы притащили сюда еще несколько полусгнивших стволов и часть водной поверхности перекрыли кладками, погруженными в воду. Удобная переправа по стволам сваленных деревьев и по кладкам, скрытым под водой, исключала всякую возможность обнаружения нашей базы по следам. В лесу были возвышенности, позволявшие рыть землянки.

Я разделил отряд на две части. Одну, во главе с Черкасовым, направил к деревне Липовец, где была наша вторая группа народного ополчения, а человек пятьдесят отборных людей оставил с собой для активных действий. На связь к Басманову еще утром вышла пятерка бойцов во главе с Захаровым; разумеется, и

Чапай не отстал от дружка. Распределив между людьми задания по устройству лагеря, снабжению и разведке, сам я с небольшой группой бойцов направился в район Сорочино — Кушнеревка для проверки работы подпольщиков на местах и завязывания новых связей. В Московской Горе меня ожидал тяжелый удар.

— Не ходите в Кажары, — предупредил Ермакович, — там гестаповцы шарят. Зайцева, председателя колхоза, убили.

— Как убили? — У меня было такое ощущение, точно кто-то внезапно ударил меня.

— Да так... Это они для отвода глаз «расследуют». Подослали тут подлеца одного из Пасынков, он застрелил человека ночью через окно. И дочку его пятилетнюю, может знали, тоже убили.

Я стиснул зубы и молча поборол волнение.

— Что еще? — спросил я, видя подавленное состояние своего собеседника.

Ермакович рассказал, что в Чашниковском районе разместилась целая дивизия, пришедшая с фронта, что все деревни за Кажарами будто бы заняты гитлеровцами.

Обстановка усложнялась. Попрощавшись с Ермаковичем, я пошел дальше, к Сорочину, чтобы проверить полученные сведения. Но уже в первой деревне председатель колхоза сообщил мне, что его в Гилях чуть не задержали вражеские посты.

— Кругом гитлеровцев полно, стоят в каждой деревне.

Дальше идти было незачем. Я вернулся в лагерь.

Первый, кого я увидел, спустившись в землянку, был один из пятерки, высланной на связь к комиссару под командой Захарова.

— Ты что тут? — спросил я его, и сердце у меня дрогнуло от нехороших предчувствий.

— Не прошел, возвратился, — ответил боец.

— А Захаров?

— Убитый он, и Чапай убитый. — Парень словно нехотя встал, и я заметил у него перебинтованную руку под шинелью внакидку. — Двое-то новеньких не захотели с нами идти. Они еще около Волотовки сговаривались: пойдем, мол, в деревню, чего, мол, по лесам-то лазить. Ну, а тут возле моста через Эссу напоролась мы на засаду. Они сразу в кусты и ходу. Мы залегли, стреляем. Чапая в живот ранили, Захарова — в обе ноги. А меня вот — в правую руку. Чапай упал, да и просит: пристрелите, мол, меня, чтобы не измывались они надо мной. Захаров-то, хоть и раненый, скатился на лед и начал отстреливаться, а я без руки! Гитлеровцы осмелели, стали к берегу подбираться. «Рус, сдавайсь!» — кричат. Захаров патроны-то расстрелял, одной пулей Чапая добил, а последнюю — себе... Убил он, Захаров-то, двоих, одного офицера., — Ну, ладно, проверю, сядь, — я прошел в свой угол и лег, подавленный всем, что услышал за день.

Я вспомнил Захарова. Стройный, красивый, голубоглазый, сильный, ловкий, дисциплинированный, смелый. Как он плакал, обнимая меня при нашей встрече, и говорил: «Теперь не пропадем!..» Вот уже и нет его. Герой был и умер героем. Расстреливая последний автоматный диск в гитлеровцев, он кричал: «Все равно, гады, мы разобьем вас и выбросим с нашей земли...» Сколько еще погибнет? И Зайцев встал передо мной как живой. Я долго горевал, не в силах примириться с тяжелой утратой.

Своим ординарцем я назначил Сашу Волкова. Он был так же молод, прямодушен и чист. Как-то подошел он ко мне в самую тяжелую минуту на походе и, застенчиво улыбнувшись, сказал:

— А знаете, товарищ командир, сегодня мой день рождения — девятнадцать исполнилось. Теперь меня мама вспоминает: где, мол, он? живой ли? Верно ведь?

Я поздравил его, обнял и поцеловал. Мне тоже стало легче от этих слов. Он чем-то напоминал мне родного сына.

На поиски части отряда, ушедшей с комиссаром, я направил Библова и Серпионова. Район был переполнен карателями, но связь нужно было восстановить во что бы то ни стало. С комиссаром ушли прекрасные люди — Валентин Телегин с товарищами, отважные, но слишком юные. Не имея достаточного опыта, они могли стать легкой добычей карателей. Комиссара нужно было разыскать и вывести людей в более безопасные лесные массивы.

Днем я выслал разведку в Ковалевичи. Деревня оказалась занятой гитлеровцами. Они обстреляли наших людей и преследовали их вплоть до тропы в лагерь. Положение для нас с каждым днем становилось все более угрожающим. Это было пятого или шестого ноября сорок первого года. Гитлеровцы тогда уже почувствовали, какой урон мы можем нанести им с тыла, поэтому они твердо решили с нами покончить, как только выпадет первый снежок. Мы ожидали их из Ковалевичей, а они подошли со стороны Красавщины, в сопровождении полицейских.

На следующий день каратели подошли к самому лагерю. Я вывел отряд из землянок, когда передовые разведчики-немцы показались в ближайшем кустарнике. Обходя лагерь зарослями, мы слышали, как они бьют по нашим пустым землянкам из автоматов. Уходить нам было некуда, и я водил бойцов вокруг покинутых землянок, стремясь запутать следы. Был еще путь на Липовед, но я не хотел наводить врага на базу Черкасова. Метрах в двухстах от лагеря, у подножья небольшой горушки, мы залегли и стали слушать, как смеются и гогочут фашистские молодчики, хозяйничая в наших землянках. «Вероятно, они сфотографировали нашу покинутую базу», — подумал я и при мысли о том, что эти фотографии будут помещены в их мерзких листках как доказательство «блестящих успехов» в борьбе с партизанами, стиснул зубы и дал себе слово как можно скорее показать на деле, что мы живы и продолжаем действовать. Еще когда мы строили свои землянки — знали, что жить в них мы можем до тех пор, пока не обнаружат нас фашисты. Обида была не в том, что мы оставили теплый угол, вышли полураздетые на мороз под открытое небо, — обида горькая и злая раздирала сердце потому, что враг не был наказан.

Но вот раздался треск, и высокий столб пламени поднялся над кустарником. Это каратели подожгли наши землянки. Затем раздалась команда: «Форвертс!» и немцы двинулись нас преследовать. Я приказал нескольким бойцам занять ямы от выкорчеванных пней в низине и обстреливать карателей, как только они покажутся, а основное ядро отряда отвел метров на двести дальше.

Прошло минут десять. Вот трое самых прытких из карателей выскочили на высотку. Один из них держал на сворке собаку. Залп — двое фашистов, мертвые, ткнулись в снег, третий выпустил сворку и, вопя, заползал, пачкая снег и тщетно силясь подняться. Пес с визгом кинулся прочь. Мои бойцы выскочили из ям и перебежали к нам. Застучали автоматы, рой пуль запел в воздухе, но враги больше не показывались из-за бугра. Прыть у них исчезла. Двоим карателям мы уже выдали деревянные кресты за их «подвиги». На душе у меня стало легче. Ребята тоже повеселели. Я тихонько поднял людей и повел их в глубь леса.

С полкилометра мы шли, даже не оглядываясь, потом я выбрал подходящее местечко и снова устроил засаду. Залегли. Карателей не было слышно, но мороз крепчал. Одежда наша не годилась для засад, и холод пробирал нас до костей.

Солнце уже садилось, когда вновь загремели выстрелы. Однако гитлеровцы не рисковали показываться. Стреляли наугад, ориентируясь на собачий нос. Впрочем, уцелевший пес стал тоже осторожней. Он делал стойку издалека и при первом же выстреле с нашей стороны быстро удирал обратно.

Темнело. Фашисты ушли. Но наутро они могли вернуться в удесятенном количестве и попытаться окружить нас. Поэтому за ночь нам надо было уйти на такое расстояние, чтобы они не могли его покрыть и за несколько коротких зимних дней. Нужно было также предупредить комиссара и Черкасова о том, что произошло. Я не сомневался, что гитлеровцы растреляют по всей округе об «уничтожении крупного отряда партизан», а это могло внести дезорганизацию в работу наших людей.

Тщательно продумав маршруты, я поехал двух товарищей в Липовец, чтобы они известили Черкасова через группу народного ополчения, а одного бойца, который уже поморозил ноги в худых сапогах,

отослал в Московскую Гору к Ермаковичу, Мы распрощались. Но прежде чем выйти на путь к Ольховому, куда я решил выводить людей, я около шести часов петлял с ними вокруг деревень Реутполе, Воблочье и Волотовка, как петляет старый заяц-русак, стремясь сбить с толку охотника, Это было с пятого на шестое ноября, самое тяжелое время для нас в тылу фашистских оккупантов.

В полночь, утомленные шестичасовым лазаньем по чащобе, мы вышли на дорогу к мосту через Эссу. Мороз забирал все сильнее, и луна стояла высоко в небе, окруженная сияющим кольцом. В ее свете мы увидели тела Захарова и Чапая. Захаров выше колен вмерз в реку. Чапай лежал на берегу, широко разбросав руки. Видно было, что они не дались живыми врагу. Нам нечем было вырыть им могилу, да и нельзя было задерживаться: у моста могла быть засада. Молча, без команды, все, как один, мы обнажили головы у их тел. Может быть, мне, как командиру, следовало что-то сказать в эту минуту прощания с боевыми товарищами, но слезы стояли в моих глазах и острая спазма сдавила горло. Молча надел шапку и тронулся в путь. Бойцы последовали моему примеру...

Мост перешли благополучно. Немецкий пост, очевидно, не выдержал двадцатиградусного мороза и ушел ночевать в ближайшую деревню. К рассвету мы вышли в когда-то непроходимое болото между Терешками и Островами; теперь, скованное льдом, оно было очень удобно для передвижения. Однако люди едва не падали от усталости, и даже наиболее крепкие бойцы начали надоедать вопросами, долго ли нам осталось итти. А я и сам не знал, что нас ожидало впереди и где нам удастся передохнуть. Нельзя было расслаблять волю людей ложными обещаниями, поэтому я резко отвечал, что итти будем столько, сколько потребуется.

Неподалеку от Стайска остановил отряд и выслал людей посмотреть, нет ли чего на плетне у дома Жерносеков. Бойцы вернулись и сказали, что ничего особенного нет, только торчит на колу большая глиняная крынка (нашли, мол, время сушить!). Значит, надо было итти дальше. Это был условный знак: в деревне немцы. Теперь вся надежда была на Кулундука. У него, в Красной Луке, если там не было карателей, можно было поесть и обогреться. Я осторожно вышел на дорогу, идущую от Стайска на Красную Луку. На ней ничего подозрительного не замечалось. Следы полозьев указывали, что кто-то дня два назад проехал из Красной Луки на Стайск. Отпечатки лап двух собак, бежавших сбоку повозки, выдавали путника: это мог быть только Кулундук. Но почему же нет обратного следа? Как мог так долго отсутствовать хозяин в такое тревожное время?

Подшли к хутору. Сразу все стало ясно. Обе семьи выселились отсюда и вывезли все имущество. Дом стоял без окон, такой же промерзший, как и все вокруг. Очевидно, Андрей вывозил отсюда остатки вещей и сена.

Надежда найти у Кулундука теплый приют для передышки не оправдалась. Топить хату без окон и дверей бесполезно. Но не все еще было потеряно. В сторонке стояла маленькая прокопченная баня. Мы набились в нее, затопили. Через час в ней стало дымно и тепло. Было уже три часа дня, а мы более суток ничего не ели, совершая свой непрерывный переход.

Отогревшись, бойцы пустились на поиски съестного. одному из них удалось набрать с полведра мерзлой мелкой картошки. Ее немедленно начали печь. Я разрешил достать меду в одном из оставленных Андреем ульев. На обед каждому из бойцов досталось несколько картофелин величиной с грецкий орех и кусочек сотового меда. Картофелины проглотили мигом, но душистый тягучий воск жевали долго, выжимая из него мед.

К вечеру я послал несколько человек в Терешки за продуктами и инструментом для постройки землянок. Наутро бойцы пригнали корову, принесли ведро, несколько ложек, три буханки хлеба, соль, с пуд картошки, три лопатки, пилу, два топора, лом для постройки землянки.

Какова же была моя досада, когда я узнал, что бойцы не выполнили моего приказа и взяли все это в Островах, под носом лютого нашего врага — старшего полицейского Булая! Нужно было не только немедленно уходить, но и тщательно замести следы. Обернули корове тряпками копыта, себе подвязали к подошвам дощечки и пошли цепочкой по дорожке, след в след, гоня перед собой корову, в направлении

на Ольховый. Отпечатки, которые мы оставляли на дороге, походили на след саней, запряженных лошадей.

Не дойдя до хутора, я свернул по санному следу и, пройдя километра два замерзшим болотом, вывел людей на старую усадьбу Жерносеков, расположенную в дремучем лесу на замечательно красивом, уединенном островке.

Сварили хороший обед, пообедали плотно. Люди начали было укладываться на снегу и засыпать, но мороз был градусов двадцать — отдыхать под открытым небом было рискованно. Я поднял людей, взял в руки лопату, и мы приступили к рытью котлована. Работали с молчаливым ожесточением. Лом и лопаты стучали по ледяному грунту, с сухим шорохом падали комья мерзлой земли, отрывисто и громко дышали люди, пар валил от разгоряченных тел. Отдых я разрешил только на два часа в полночь, когда котлован был готов и обложен деревом. К 14 часам следующего дня землянка была полностью отстроена, и все, кроме часовых, заснули на нарах мертвым сном.

Наши меры предосторожности оказались не напрасными. На другой день после нашего ухода из Красной Луки Булай привел туда гитлеровцев. Они сожгли баню, в которой обнаружили признаки нашей стоянки, и долго рыскали по окрестностям, стараясь отыскать наши следы.

Мы прибыли на свою новую базу «Красный Борок» и благополучно переждали здесь до конца ноября, когда гитлеровцы из Чашниковского и Лепельского районов вновь выехали на восточный фронт, оставив в некоторых деревнях лишь небольшие гарнизоны.

Мы ощущали силу первого контрудара, нанесенного оккупантам на центральном фронте, по поведению противника в его тылу. Это крепило в нас веру и вселяло бодрость. Однако нельзя было и дальше сражаться с противником кустарным способом. Необходимо было связаться с Москвой, получить инструкции, оружие, взрывчатку, и я послал группу бойцов-спортсменов во главе с начальником штаба капитаном Архиповым на переход линии фронта. Как мне ни жалко было расставаться с этим дисциплинированным и прекрасно подготовленным офицером, но задача была исключительно ответственной и весьма трудной. Простреленная нога капитана зажила, а он был до войны рекордсменом лыжного спорта.

Мы подробно договорились о том, как меня капитан должен известить о благополучном переходе линии фронта и какие я должен развести сигналы для встречи самолета.

Пасмурным зимним днем, — кажется, это было первого или второго декабря, — во второй половине дня начался сильный снегопад. Крупные мохнатые белые хлопья затрепыхались в воздухе непроницаемой завесой, Три лыжника один за другим скрылись в снежной мути. Все ли мы сделали для обеспечения их успеха? — думал я. Кажется все. Я отдал капитану последний экземпляр имевшейся у меня стратегической карты. В мешках у лыжников было сало, сухари, даже сахар, который мы перед этим захватили у полицейантов. До фронта по прямой триста пятьдесят — четыреста километров. Наши лыжники снабжены всем необходимым на восемнадцать — двадцать дней. Все остальное зависело от капитана и его людей.

Я в эту ночь не спал, продумывая все мельчайшие детали перехода. Мне представлялась линия фронта, сплошная и прерывистая. Передовые заставы, патрули, секреты и дозоры, первые и вторые эшелоны войск. Все ли я рассказал хлопцам? Ведь от выполнения этой задачи зависит, сможем ли мы сделать то, зачем нас партия послала в тыл оккупантов.

Прошло положенное время — капитан не давал о себе знать. Все можно было вообразить и представить, сидя у партизанского костра. Одно трудно укладывалось в мыслях — что никогда-никогда уже не встретишь живыми этих жизнерадостных спортсменов, преданных патриотов своей отчизны.

Спустя двадцать суток после ухода группы мы стали каждую ночь жечь костры, давая условный сигнал ожидаемым самолетам. Но только моторы фашистских бомбовозов урчали в морозном воздухе. Потеряв всякую надежду, я направил через фронт одну за другой еще две группы, но и эти пропали, точно в воду канули. А над нашими кострами неизменно летали только самолеты противника.

В нашем отряде осталась горстка москвичей. Своим заместителем по политической части я назначил Дубова. Этот человек мне был так близок, что с ним я значительно легче переносил и утрату друзей, и страшные холода первой военной зимы.

Москвичи-десантники показали себя на деле, и население, почувствовав, что такие люди не подведут, всюду готово было идти за нами.

В те дни смертью храбрых погибли Федор Волков, Добрынин, Говорков и другие. **До последней капли крови отбивался радист Крындин.**

Стойкость, упорство отважных десантников поднимали их авторитет среди населения и наводили страх на эсэсовских головорезов.

Наши схватки с врагом совпали с первым сокрушительным ударом по фашистским дивизиям под Москвой».

Полностью книга размещена на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/linkov_gm01/linkov_gm01.html